

Очень не хочется повторять вконец избитые истины, но, к сожалению, приходится, поскольку наша человеческая жизнь настолько сложная, непредсказуемая, что каждый раз оборачивается чем-то иным, кажется, прежде неизвестным, а на самом деле — всем известным, только изрядно позабытым. Поэтому без какой-либо стыдливости скажу, что на самом взлёте, в мои юные года, те самые, которых нет светлей и чище, моя жизнь — вот зарека! — ко мне повернулась задом... А именно: ни сверхающей мечты, по моему глубокоубежденно обязанная сделать меня счастливым, не сбылась; ни первая любовь, во имя которой я жил, верней, выжидал в самые трагические минуты не оправдала возлагавшиеся на неё надежды. И покотился я в кубарем вниз по острому ступеням времени, когда бы по воле Божьей не обдал от природы стальным характером. Тем более, что я его укрепил — в ниспосланных на меня свыше жизненных тяжких страданиях и в экстремальных северных условиях, когда зимой температура на улице опускается до такой отметки, что птицы на лету замерзают и камнем замертво падают в колючий снег, а летом от сорокоградусной жары кажется, что сердце при работе, как при длительном беге в гору, колотится аж в горле.

И вот, благодаря стальному характеру, у меня появлялся и новая мечта, причём, не одна, и новая любовь. Но и та, и другая, прежде чем я смог убедиться в их необходимости, ох как долго водили меня по лабиринтам времени, будто проверяли: а стою ли я их, а нужны ли они вообще моей душе?.. И вот что интересно: в конце концов, им удалось своим жгучим пламенем зажечь моё звонкое сердце почти одновременно, будто договорившись. Но если быть абсолютно точным, то должен сказать, что любовь пришла ко мне чуть раньше, чем мечта. И стала она для меня, тридцатидвухлетнего мужчину, тем запоздалым, но таким ясным светом, в лучах которого жила обретенная настоящей смысл, тот самый, без которого человек не может с полным правом считать себя состоявшимся. Звали любовь Светлана. Она сразу после окончания института в качестве новоспешенного агрохимика приехала по распределению в Ленск, где я тогда руководил районным объединением «Сельхозхимия». И, не успев оглядеться на новом месте жительства, в трудовое коллективе, была, словно морской волной, влечена мною в такой круговорот добрых дел и знаменательных событий и, конечно, моего страстного мужского внимания, что ахнуть не успела, как приняла, словно последнюю надежду, мою руку и сердце.

Много лет пролетело с той поры, но дней ещё больше, как любил говорить мой друг юности, совхозный тракторист Кеша Авдеев с кудрявыми тёмными волосами, немного печальными, цыганскими чёрными-чёрными глазами. За это время супруга родила мне двух прекрасных дочерей, которых мы достойно вырастили, дали им прекрасное высшее образование. Одну даже успели выдать замуж. И жили мы уже не в суровой и зимой, и летом далёкой Якутии, а в столице отечества — Москве, где сразу по прибытии устроили семейное уютное гнёздышко. На оставшихся деньгах, как ни опасно было жить без финансового запаса, я не удержался — и после долгих размышлений о том, какое всё-таки личное авто купить, в конце концов, остановил свой выбор на «сааб» — передовой модели шведского автопрома. Полученный в молодые годы опыт вождения — и какой опыт! спортивный, когда от бешеной скорости на крутых поворотах кровь стывает в жилах! — позволил мне за десять лет не попасть ни в одну аварию, хотя штрафов за превышение скорости я заплатил столько, что перестал их считать...

Каждое лето моя драгоценная супруга вместе с дочерями уезжала на две недели на родину, в Омскую область, а, точнее, почти на самую границу с Казахстаном, в посёлок Соловьёвка — проводить стареньких родителей: мать Надежду Ивановну, небольшого роста, полноватую, с круглым добрым лицом, на котором светлые глаза лучились любовью к детям; и отца Василия Степановича, тоже невысокого, но широкоплечего, сдержанного, даже под небольшим градусом, на громкие слова, и на удивление странно любящего порядок во всём: в доме, в летней кухне, в огороде, на рабочем месте — всего не перечтёшь...

В Москве, на хозяйстве, я оставался один, если, конечно, не считая Дафу, комнатную собачку редкой английской породы. Но он настолько был умным, таким ласковым, таким послушным, что почти стал полноправным членом семьи. В общем, кроме радости душевной от нам своим поведением ничего не доставлял. Для жены и вовсе стал как родной, она его и называла-то сыночком... И так целовала, так миловала, что я порой даже жалел, что не настала на третьем ребёнке. Светлана, родив двух дочерей, за время, пока они жили с нами, не исчерпала сполна материнской любви. Но при этом внятно давала понять, что она хоть в чём-то не давала душевного тепла своим детям, значит — странно согреться.

Не стал исключением из установившихся семейных правил и этот высокотехнологичный автомобиль. Однако две недели в трудах да заботах пролетели для меня, как один день, и настало время встречать жену с дочерьми. Самолёт должен был прилететь после обеда. Поэтому, встав пораньше, я никуда не топтался, как обычно, не позавтракав, лишь выпив полный стакан чистой родниковой воды, надел на Дафу ошейник с длинным кожаным поводком и, игнорируя лифт, в восьмом на первый этаж по запасной бетонной, красной в серый цвет лестнице повёл пса на прогулку во внутренний сад, располагавшийся между двумя крыльями дома на

уровне первого жилого этажа. До чего же было забавно смотреть, как Даф, маленький, от земли два вершка, соскакивал со ступеньки на ступеньку, высотой чуть меньше его. Чувствовалось, что сделать это совсем не просто, но он не останавливался, не смотрел жалобно своими чёрными глазами, не скулил. В общем, держался мужиком...

День устанавливался погожий. Душный вечер резкий ветер по дождём, к утру утихнул, где-то в парке свернула калачиком возле сосны да и спал себе по-маленечку. Огромное, расклеванное добела солнце уже выкатывалось по небесному светло-синему склону вверх, заливая землю потоками золотого тёплого света. Воздух, только начинавший прогретость, был ещё довольно прохладным, свежим. Дышалось всей грудью легко и глубоко. Яблони, посаженные несколько лет назад, подросли настолько, что на их густых и крепких ветвях всюду наливались крупные плоды. От пышных крон на зелёную, густую, шелковистую травку ложились короткие светлые тени. Словно заблудившись, чёрная с розовым клювом одинокая сорока, переваляясь с бока на бок, прогуливалась под деревьями. Но Даф лишь внимательно посмотрел на неё и не выразил ни малейшего внимания, чтобы погоняться за птицей. Однако едва я отступил ошейник, как он, опустив голову в ритмично стриженому жёсткому газону, сильно вытянув носом воздух, полный только ему известными запахами, устремился вперёд, словно на поиски какой-то важной для него вещи. Так, круг за кругом, он бегал и бегал... Если на пути встречалась какая-нибудь собачка и хотела приблизиться к нему, то он резким рычаньем останавливал её.

Из всех собратьев Даф признавал только пушистого, одной с ним величины шпица. Но ни в какие игры с ним не вступал, а лишь подвигившись на задние лапки, передними обменивался со знакомым пёсиком несколькими мягкими, лёгкими ударами, словно по-своему здоровался или выражал свою сдержанную признательность. И продолжал скрывать такую важную для него, поисковую работу. Хозяин шпица, дед Семён, фронтовик с давно поседевшими волосами, с избороздившим щеку глубоким шрамом, видеть, от фаншисткой пули или минны, но с молодыми, а бы даже сказал, зазорным взглядом, светившимся теплом, живший в квартире, выходившей окнами как раз на «собачий» круг, за такое редкое качество в шутку окрестил Дафу «полицейским».

Отведённые на прогулку сорок минут закончились. И я вернулся с четверного другом в квартиру. Весь путь, во время которого Дафу пришлось уже прыгать на многочисленных ступеньках, он проделал без остановки, лишь к своему, восьмому, этажу вывалил красивый язычок, глубоко вытянув бока при дыхании. Пока Даф ел, верней, проглатывал пищу, не прожёвывая, словно его неделю не кормили, я принял душ и тоже сел завтракать. Прибрав на столе и вымыв посуду, направился в свой домашний кабинет, из которого, можно сказать, сутками не вылезал. Даже порой спал в нём на раскладном диване. Всё писал и писал, то рассказы, то повести, надеясь приступить в скором времени и к созданию романа, сюжет которого уже ясно вырисовался. Мне даже было жалко выкручивать время для сна. Поэтому прописывал за рукописью до глубокой ночи, пока отяжелевшие веки не начинали сплываться.

Удивительно, но к шестидесяти годам со мной что-то произошло такое, что я вдруг потянулся к прозе, словно к единственному занятию, которое могло удовлетворить ненасытную писательскую душу и позволить до конца выплеснуть на страницы произведений все чувства, в том числе и те, о существовании которых я даже не подозревал. Мне даже стало казаться: могу, наконец, делать со словом, как в детские годы с пластилином, всё, что только захочу. Порой даже верилось, что я не пишу, а вылепливаю словами тот или другой образ. Будто по воле небес мой словарный запас если не устроялся, то точно удвоился. В работе над прозой я стал походить на котика, который гуляет сам по себе, — и от этого переживал такое блаженство, такую тихую радость, что отбравшись на минутку от текста, вжимался в мягкую кожаную спинку кресла, руки поднимал вверх, потягивался до хруста в суставах, и по слогам с удовольствием произносил вслух: «Ле-по-та!».

Во время неуклюжего летело и летело... Оглянувшись не успев, как надо было ехать в Шереметьево, встречать родных. Наказав Дафу вести себя примерно, я закрыл дверь на ключ и спустился в гараж. «Сааб», помятый, начищенный, даже в сумеречном свете невысокого подвешенного помещения празднично сверкал обводами и зеркалами. И имеющий ястребиный, летящий вид только крыльями не махал... Я, можно сказать, с первого взгляда полюбил «сааб» ещё в салоне, до покупки. А когда прокатился на нём по городу, то предела моему восторгу не было, поскольку машина уверенно на самой большой скорости держала дорогу и при малейшем нажатии на педаль газа буквально с места срывалась, как пёс с цепи! Гонщик от природы, я только на участке дороги от Ленинградского шоссе до аэропорта Шереметьево и мог отвести душу — разогнаться до ста шестидесяти и больше километров. И пусть в течение нескольких минут, но промчался со встречным ветровым вихрем и всёём гудом бешено вращавшихся колёс — и почувствовать себя летящей птицей... Какое счастье! Какая радость! Какой восторг!

Но хоть день и был выходным, на самом выезде из города я попал в жуткую пробку. Она двигалась, но не быстрее двух-трёх километров в час. И как же я был рад, что выехал с порядком запасом времени. Поставив машину на платную автостоянку и выйдя из салона, я сразу почувствовал, как в нос с силой

ударило густым запахом керосина от самолётов, то взлетающих, то приземляющихся. С грустью отметил, что все аэробусы зарубежного производства, я подумал: «Не везёт же России нашей... И патриотам России не везёт... Своё самолётостроение, прекрасно отлаженное, производившее надёжные воздушные пассажирские лайнеры, — утробили. Зато огодтело стали скупать по всему свету американские самолёты, хорошо бы новые, а то ведь — изношенные настало, что прежде чем полететь, надо обязательно сходить в церковь и поставить свечку за своё здоровье... Впрочем, что воздух кулаками сотрясать...».

В первом же цветочном киоске у молодой, задорно глядевшей голубыми глазами девушки в белом фартушке я купил большой букет чайных роз. Держа его бережно в руке, лишь вошёл в здание аэровокзала, как услышал, что нужный мне рейс совершил посадку. Но бежать к выходу пассажиров не стал, подумав: «Пока самолёт подрулит к стоянке, пока поддут трап, пока вещи выдадут, — пройдёт не меньше получаса...». И прошёл в кафе зала ожидания. Взял чашку любимого капучино, бутылочку холодной воды и, прихватив картонный разовый стаканчик, уселся за один из столиков, которые стояли вразброс перед буфетом.

Народу, как всегда в летнее время, было не впрогляд. И все без исключения спешили: одни — улетать, другие — встречать... Только я один сидел себе и сидел, не спеша наслаждаясь вкусом итальянского напитка. И мысли мои текли ровно, словно по равнине, — ничто не тревожило их, коль жена с дочерьми, слава Богу, были живы и, я надеялся, здоровы. И вдруг в голове одна за другой стали вспыхивать строчки: «Аэродром... Бетонка в три версты./ Билет на право взлёта и разлуки./ И ангел в униформе высоты/ уже разъединяет наши руки./ Мы всё-таки земные существа, / и потому лишь временно крылатые.../ Мы упадём, как падает листва, / но мы взлетим навечно для расплаты./ В ноци за нас молчанье говорит, / и вспыхивает то, что не истлело, / когда ночник стыдливо не горит, / но расклеванно светятся два тела...».

Но вот, посмотрев на часы, понял: пора! И лишь подошёл к выходу с лёгкого поля, как увидел моих родных, любимых женщин, которые, всматривавшись во встречавших, катили чемоданы за собой. Заметив меня, они радостно замахахи руками. Хотя сердце моё от нетерпения скорей обнять их забилось гулко и извончано, я подождал, когда они пройдут ограниченную черту, жирно отмеченную белой краской на кафельном полу. Ну, а в зале прилёта сразу бросился им навстречу и стобабстал всех троих в свои неслабые объятья.

— Значит, прилетели! Прилетели! Солнце пахнет, берёзовый листвою, смородиновым вареньем и молоком, природой...

— Но ты по нам скучал?! — чуть ли не хором заворковали мои дорогие женщины.

— Ещё как! Разве не видите, как с лица спал, словно в страшные голодные годы? — Видим, видим!

— Ну, так дайте и мне на вас посмотреть, верней, полюбозваться вами!

И сделал несколько шагов назад, я всмотрелся в жену и дочерей. За две недели они так загорели, что их лица и руки казались мне шоколадного цвета, да такого тёмного, что на его фоне зубы отливали снежной белизной, а глаза светились ярким лучезарным светом. Стройные, с гибкими фигурами, они выглядели удивительно красивыми, словно сошедшими с обложки журналов мод. И я, муж и отец, довольный осмотром, вновь присоединился к своим ненаглядным женщинам, среди которых сходо угадал, кто же из них являлся матерью, было невозможно — настолько моя любимая Светлана выглядела молодо! Любуясь ею, подумал: «Боже мой, четверть века прожил с этой женщиной, но с годами любовь к ней не только не слабела в моём пылком сердце, а наоборот — разгоралась ещё сильнее, словно нет ей предела на этом свете! И за все муки, за все страдания — может, не будет и на том?».

Не отрывая горящих глаз от жены, я произнёс:

— Ну что, мои милые, теперь к машине и — домой!

— Ты прав, Ваня, — домой! Но только — каждый свой!

— Не понял, объясни, пожалуйста, дорогу! — удивлённо спросил я жену.

— А ты, милый, посмотри выправ!

Я, точно по команде, быстро повернул голову и увидел переминившегося с ноги на ногу с букетом цветов Ивана, супруга моей младшей дочери, невысокого, но удивительно быстрого, умеющего в стрессовой ситуации принимать единственно верное решение, что позволяет ему быть классным профессиональным футболистом. Не зря же он несколько лет в составе молодежной сборной защищал честь отечества, причём отлично — даже стал европейским чемпионом, что для нашего профессионального футбола невиданная удача! Рядом с ним, тоже с огромным букетом, стоял в смиром ожидании его друг, высоченный, с негромкой, хорошо поставленной речью, с чёрными, как смоль, волнистыми волосами, бизнесмен-строитель из Сочи Андрей, с которым старшая дочь вот уже на протяжении нескольких лет всё никак не может найти общий язык, а, верней, принять предложение стать его женой. Это о таких, как они, в песне поётся: «Порознь — скучно, вместе — тесно...».

— А что ребята в стороне стоят, не подходят? — удивлённо спросил я Светлану.

— Своей очереди дождутся! Ведь как говоритесь, вперед батки — ни-ни! Или я ошибаюсь, милый?

— Верно говориться, дорогая! — Так окликни их!

Я тотчас исполнил просьбу жены:

— Эй, орлы! Что стоите, как сироты! Забирайте своих ненаглядных! Но завтра вечером всех жду к шести часам в итальянском ресторане «Примavera», встречу будем обмять! — ободяюще, нарочито громко обратился я к молодым мужчинам.

— Иван Иванович, а где это? — спросил меня зять.

— Рядом с метро «Октябрьское поле». Найдётся!

Оставшись вдвоём с женой, я взял её под руку и, катя чемодан за собой, повёл к машине. Сели в салон, за время стояния прогревшийся настолько, что жена сразу же взмолилась: «Ваня, ой, как душно, не могу дышать! Включи, пожа-луйста, кондиционер!». Что я и сделал. А не спеша выехал на автобан, зная, что

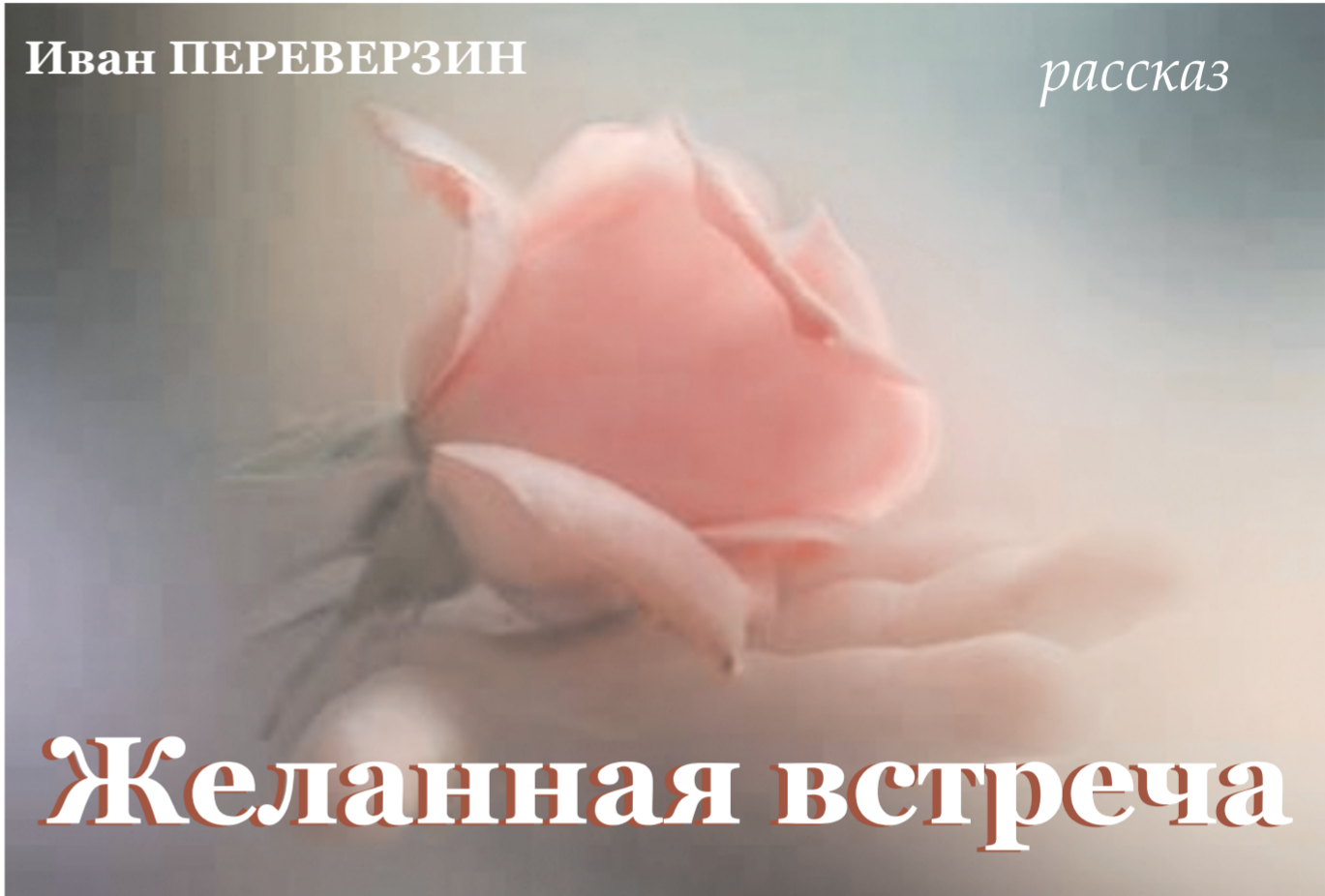
дядя хоть на Западе, можно всё — до мелочей! — знать о здоровье стареньких тещи и тёщи. А это значит, случись с ними что неладное, оказать необходимую помощь!.. И, как в воду глядел, — случилось! Мы в ту весну, как все последние годы, находились в Карловых Варах на лечении. Светлана, словно предчувствуя недоброе, взяла да позвонила по мобильнику матери. Но трубку взяла отец. Плохо слыша, он кричал, хотя ему казалось, что говорит нормально. От этого его сильные слова вибрировали, сливались. И всё-таки Светлана разобрала, что с матерью случилось недоброе. Поведав мне о разговоре с отцом, она первым же самолётом улетела на родину, несмотря на то, что в Соловьёвке проживала её сестра-ме-

уже не над теми стихами, что весной написал в Карловых Варах, но из-за нехватки времени всё никак не мог приступить к их перепечатке и редактированию...

— А над чем же?

— Над новой повестью... Причём, сама понимаешь, работал я, конечно же, под неунынным доглядом Дафа. А в выходные дни вечером приходил на ужин в наш любимый ресторан. Сидели глендубуд в укромном углу за столиком, заставлял второе и бокал красного сухого вина. И под чудное пение Рикардо Фолли думал о нашей такой необыкновенно солнечной жизни...

Впрочем, что это я говорю сухой прозой, когда свою душу можно выразить сполна чувственными стихами, хотя бы

Иван ПЕРЕВЕРЗИН

рассказ

Желанная встреча

Светлана в столице больше всего боится, и во-первых, переходить по переходам, не оборудованным светофорами, во-вторых, быстрой езды.

А, помнится, в первые дни нашего знакомства я сажал её на переднее сиденье и на своих «жигулях», переоборудованных под спортивную машину, на бешеной скорости выписывал на горном серпантинте такие фигуры дорожного пилотажа, что она восторженно вскрикивала, крепко пристёгнутая ремнями безопасности, но на всякий случай ещё крепко держась за ручку двери. Но потом, когда я, уже работая директором совхоза, вёл служебную «волгу», то у са-мого въезда в посёлок Нью, на узком когосогорном участке дороги, встретилась машина, тяжело гружённая бревнами. При разезде лесовоза вдруг стал медленно опрокидываться на нашу «волгу».

Чтобы избежать трагедии, я включил заднюю скорость и резко нажал на газ. Но колёса стали пробуксовывать, и из-за этого машина очень тихо, буквально по сантиметру стала отъезжать от смертельной опасности. А лесовоз, к счастью, так же медленно, как вначале, продолжал опрокидываться. И окончательно рухнул буквально в каком-то дециметре от нас. Эта страшная картина так потрясла Светлану, что она и стала с тех пор безмерно осторожной!

Но теперь, когда родной человек был рядом и некуда было спешить, мне так хотелось, чувствуя, что душа таит от любви и нежности, хотя бы положить свою крепкую ладонь на её ладонь, узкую и такую милую. Но это сразу испугало бы жену, ибо, по её мнению, безопасно можно ездить, только держа ручку обними руками. Я, лишь глубоко вздохнул, спросил:

— Ну, давай рассказывай, как родители?

— За прошедший год, конечно, ещё больше постарели, ведь с выходом на пенсию годы словно с горы катятся... К тому же мама всё никак не может залечить горло, и оно порой ещё, пусть не сильно, но кровотокает. Отец мается ногами. Утром, пока расходитесь, ох, как похает от боли. Но крепится — не жалуется. Да-а, тяжёлой, можно сказать, неизлечимой болезнью обернулась для него многолетняя работа за токарным станком, — ибо всю смену, особенно в посевную и уборочную, сутрадо вечера приходилось проводить на ногах. Без перекуров... Ведь он же не курил! Вот и получается, что для отца отказ от табака боком вышел... Родители просили меня передать тебе огромное спасибо за то, что дал денег на установку в доме телефона. Теперь можем в любое время звонить друг другу. Главное — пусть хоть словом, но поддерживают...

Я слушал жену и думал: «Да, с этим телефоном я в посёлке широко навёл...». Дело в том, что для его установки сначала надо было построить целую линию, длиной более километра. Это десятки столбов, тысячи метров провода, сотни изоляторов. И физического труда — не на одну неделю. Как писала тёща, местные люди при виде развернувшейся и полным ходом шедшей стройки, о которой, благодаря сегодняшней нищете бывшего в советские годы очень солидного совхоза, за последние годы думать забыли, и приходило ей не давали, всё распрашивали, уж не миллионер ли её зять. «Да и кто бы так!» — гордо, с достоинством отвечала она, и в ответ слышала: — «Повезло же тебе, Надежда, с зятем, ой, повезло!».

А я размышлял: «Вот установлю телефон — и сколько тревог за родителей с души любимой жены сниму, да со своей тоже. И потом, в любое время, нахо-

дик, правда, тоже ушедшая на пенсию, и младшая сестра отца.

Прилетев в Россию, забрала из дома в Омск мать, у которой вдруг почему-то из открывшейся лёгочной артерии кровь пошла горлом. В областной клинике оплатила лечение и, убедившись, что принятые срочные меры дали положительный результат, вернулась на курорт. Словно и не летала туда и обратно за несколько тысяч километров. Конечно, можно было родственникам отлучить деньги, необходимые для лечения — и не оставили бы мать в беде. Но если бы врачи оказались бессильны, то Светлана, да и я вместе с ней, до конца дней своих корила себя, что не откликнулись лично на несчастие. Переживать за родителей, заботиться о них надо, пока они живы — и только так, а не иначе!

— Ваня, а где ты собираешься меня кормить? Дома? В ресторане? — прервала течение моих мыслей жена.

— А где хотела бы?

— На твоём утомлении!

— Значит, дома! Не зря же я заказал в итальянском ресторане нашу любимую пиццу! Да и кавказского вина сухого с фруктами прикупил! И потом, знаешь, я больше всего проголодался по тебе!..

При этих словах жена загадочно и как-то уж очень мило, словно в ожидании счастья, посмотрела на меня, но ничего не сказала. Да и зачем слова, когда есть губы, руки и сердце, бьющееся от страсти с такой силой, что, кажется, вот-вот выскочит из груди, чтобы на крыльях любви унести в небеса...

Поднимаясь на лифте, я, то ли со светлой завистью, то ли с лёгкой ревностью, сказал жене:

— Вот Даф сейчас как обрадуется!

— Не говори! Встречи с ним жду, словно с любимым ребёнком!

И действительно, едва мы вошли в квартиру, как пёс сначала кинулся к Светлане, раз-другой лизнул её руку, а потом стал от радости зачем-то бегать кругами по прихожей, заливаясь лая и махая своим красным, похожим на лебединое перо хвостом. Счастливая хозяйка поймав восторженного её появления Дафа и прижала к груди. Удивительно: вместо того чтобы, как обычно, начать вырываться, пёс сам прислонил свою голову к плечу Светланы, порывисто дыша и при каждом удобном случае стараясь лизнуть хозяйку в губы. Я от этой трогательной сцены не мог оторвать восхищённых глаз. Потом спохватился, вынул из кармана мобильный телефон и сфотографировал счастливую пару... И побегал на кухню набравшись на стол. Быстро разогрет в микроволновке пиццу, разлил по хрустальным бокалам отливачущее золотом сухое вино.

— Света! — позвал я. — Прощу к столу!

— Милый, минуточку! Я только руки помою!

И забежала в туалетную комнату. Даф, оставленный в коридоре, быстро подбежал ко мне и ловко повернулся задом. Это означало, что его надо поднять на стул. Я усидел его и положил перед ним маленькую помидорку черри, и он, моментально словаче, замер в ожидании новой...

Тут в столовую вошла Светлана и села рядом с псом, нежно погладила его. Но после долгих неспешных и земных догоров неожиданно не принялась за еду, а, нежно глядя в мои горящие глаза, спросила:

— Ваня, а как ты без меня жил? Не тосковал? Или всё же тосковал?

— Как жил... — ответил я. — Обычно... В рабочее время — трудились! Вернулся домой, — снова трудились. Только

во эти дни: «Вернись, не вернись — камня на камне/ я не оставлю от жизни большой./ Не изменила бы только рука моя, / как неслучайно случилось порой. / Свете мой чистый! О, как ты далека! / Дальше быть может только луна... / Только, как крест свой, нести мне высоко/ верность святую на все времена./ Здесь, в самом сердце заветной России, / солнце, как счастье, горит на заре, / там же у вас в небе звезды живые/ и все пока — в серебре, в серебре... / Ты из окна смотришь в звёздное небо, / может, средь звёзд заплутал где-то я? / Но, как PROVIDENCE, верую в небель, / чтобы и в смерти была ты моя. / Как бы желал я под пенные метели/ нежно забиться в объятья твоих, / чтоб в снежной тьме мая с тобою горела/ в пламени счастья и слов неземных. / Вечный рассвет за окном замазачил, / двинулись тени вослед февралю... / Жду. Возвращайся скорей!.. Иначе — / я ещё больше... тебя люблю!».

— И вот я вернулась, милый!

— Не просто вернулась, а по высокой лестнице надежды спустилась в сверкающий мир моей вечной любви, чтобы враз обоих нас сделать счастливыми, как никто! Да-да! Именно, как никто! Ведь ты знаешь, что я максималист, мне — или ничего, или всё!

— Ваня, извини, я забыла поблагодарить тебя за стихи, такие хорошие, такие тёплые, идущие из глубины сердца. Но по последним словам выходит, что ты меня любишь так, словно сохранишь в душе место для ещё больших чувств, а не бросаешь в огонь любви с головой, не стораешь душой долгие! Так? Или я всё-таки не права? Объяснить, пожалуйста!

— Хорошо! Ты, надеюсь, помнишь, как мы встретились! Этот момент нашей жизни я точно выразил в стихах: «...Света нас не любовь, а мук, / не счастье сблизило, а боль...». В них есть ещё такие строчки: «Пусть до любви большой вначале/ нам было очень далеко... / Но ты вздохнула так в печали, / что я запел душой легло».

И так было на самом деле! Лишь с годами, выходя долго и мучительно из всех тяжёлых испытаний судьбы, отдаляясь от них, мы, наконец, стали открывать друг в друге, словно астрономы, одну вселенную за другой... И вместе с этим любить — всё сильнее и сильнее. А любая разлука для любящих сердец — это всегда жизненный излом, на котором проверяется глубина и истинность чувств! И выходит, что чем огромней разлука, тем и сильнее любовь! А потом, как в творчестве или просто в какой-нибудь стоящей работе, совершенству нет предела, так нет предела и человеческим чувствам! Это надо понимать и как должное принимать, а не обижаться! Только так, моя любимая!

Жена слушала меня внимательно. Даже с каким-то удивлением. Как будто я действительно открывал ей что-то новое, чего она не знала, но страсть как важно, дорожно. Потом посмотрела на меня с грустинкой — и в её небесно-прекрасных глазах, тем в глубине колодца, заблестели крупные слёзы... Не слёзы боли или сожаления, а самого настоящего человеческого счастья.

И я с душой, в которой сладкозвучно пели соловьи надежды на лучезарное будущее, с сердцем, готовым до конца страстно любить и принимать любовь не иначе, как дар небесный, нежно обнял за хрупкие плечи свою ненаглядную Светлану, из всех счастливых бывших и солнечных надежд, самую главную — и единственную...